

ПЕНТАГРАММЫ НА БОХАЙСКОЙ КЕРАМИКЕ И ИХ НАЗНАЧЕНИЕ

Эрнст Владимирович ШАВКУНОВ,
доктор исторических наук, профессор

Во время раскопок в 1999 г. на Ауровском городище, расположенном примерно в 8 км к югу от с.Анучино на вершине одной из скалистых сопок и датируемом IX—X вв., т.е. поздним периодом истории государства Бохай (698—926 гг.), а может быть, и постбохайским временем, в жилище № 7 были обнаружены фрагменты изготовленной на гончарном круге небольшой керамической чаши. Эта чаша сразу привлекла к себе внимание из-за наличия на ее стенке и частично плечике выполненного еще до обжига техникой граффити изображения пентаграммы (рис.1), т.е. пятиугольника, на всех сторонах которого расположены равнобедренные треугольники. Иначе говоря, — это пятилучевая или пятиконечная звезда, изображение которой в процессе исполнения рисунка обычно наносится без отрыва от него руки. В данном же случае каждая составляющая пентаграмму линия наносилась отдельно друг от друга.

Пентаграмму на чаше нельзя отнести к разряду классических, поскольку от ее нижнего правого «луча» в сторону левого нижнего и через него прочерчена дополнительная прямая линия, от противоположного конца которой под острым углом к стыку левого нижнего и левого бокового «лучей» отходит небольшая волнистая линия.

Насколько мне известно, это уже четвертый случай находки на бохайских памятниках фрагментов керамических станковых сосудов с изображением на их плечиках, а иногда и на стенках непосредственно под горловиной пентаграммы: две из них (рис.2 и 3) имеются на фрагментах сосудов из Константиновского-I селища (Октябрьский район) [Болдин В.И., 1988, рис.81; Болдин В.И., 1993, рис.83] и одна — на фрагменте сосуда (рис.4) из гончарной печи вблизи Ананьевского городища (Надеждинский район) [Хорев В.А., 1989, рис.152].

Все четыре пентаграммы прочерчены каким-то острым предметом, возможно, острием ножа по сырой глине еще до обжига сосудов. Последнее обстоятельство может свидетельствовать о том, что изображения пентаграмм в данном случае вряд ли являются тамгами, т.е. знаками собственности, кото-

рые, как правило, наносились покупателями на сосуды уже после их приобретения, а следовательно, после их обжига. В пользу того, что имеющиеся на сосудах пентаграммы не были тамгами, говорит и то обстоятельство, что все фрагменты сосудов с их изображениями найдены на далеко расположенных друг от друга памятниках, а это исключает их принадлежность одному и тому же лицу, так как каждый человек в те времена обладал присущей только ему тамгой.

Таким образом, из сказанного выше становится очевидным, что встречающиеся на бохайских сосудах изображения пентаграмм имели иное, чем тамги, назначение, в связи с чем из-за внешнего сходства с тамгами их можно отнести разве что к разряду тамгообразных знаков. Чтобы получить ответ на вопрос об истинном назначении этих знаков, необходимо прежде всего обратить внимание на тот факт, что на плечиках чжурчжэньской станковой посуды, т.е. там же, где на бохайской керамике расположены пентаграммы, довольно часто встречаются нанесенные перед обжигом при помощи штампа тамгообразные знаки в виде заключенного в круг рельефного креста, которые у многих народов Евразии символизировали солнце и исходящий от него свет и считались своеобразными оберегами содержимого сосудов от порчи со стороны зловредных духов [Шавкунов Э.В., 1972]. Такую же роль оберегов, вне всякого сомнения, играли и рассмотренные выше пентаграммы. В связи со сказанным небезынтересно будет отметить, что на Западе изображение пентаграммы встречается на древнегреческих монетах, где она с глубокой древности имела значение мистического знака и считалась символом Вселенной, совершенства и здоровья, в связи с чем в средние века бытовало поверье, что, будучи нарисованными на дверях, колыбелях, хлебах и т.п., пентаграммы предохраняли от ведьм, друидов и других злых духов [Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А., 1898, с.157; Энциклопедический словарь... Гранат, с.447].

В данном случае нас не должно смущать то обстоятельство, что выше приведенные примеры использования рисунков пентаграмм опираются на поверья античных и средневековых жителей Европы. Дело в том, что уже во второй половине I тысячелетия до н.э. между Западом и Востоком поддерживались сравнительно интенсивные торгово-экономические связи [Лубо-Лесниченко Е.И., 1994, с.211—215]. А после завоевания Александром Македонским в III в. до н.э. Бактрии и образования вскоре после этого на территории Средней Азии Греко-Бактрийского царства, влияние которого очень скоро распространилось вплоть до Южного Афганистана и Индии [Сарианиди В.И., 1983, с.5], впервые были созданы благоприятные условия для обмена культурными ценностями между Западом и Востоком. Особенно интенсивным этот обмен становится с началом функционирования во II в. до н.э. Великого шелкового пути. По всей вероятности, именно в это время, т.е. в III—II вв. до н.э., образ античной Горгоны-Медузы послужил прототипом для получившего широкое распространение в Индии, Восточном Туркестане и Средней Азии образа Киртимульки, изображение лика которого, считавшегося оберегом от злых духов, кидани, а затем и чжурчжэни в качестве такового стали помещать на концевых дисках верхней фронтальной черепицы буддийских храмов [Шавкунов Э.В., 1990, с.61—62; Шавкунов Э.В., 1996, с.126—127]. Из Индии в Древнюю Гре-

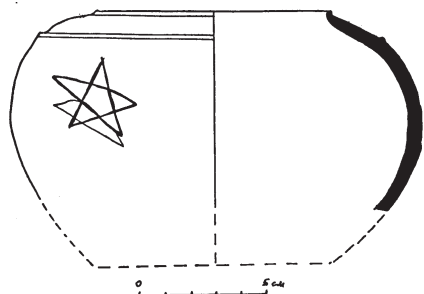

Рис. 1. Сосуд из Ауровского городища. Графическая реконструкция сосуда выполнена Е.И. Гельман.

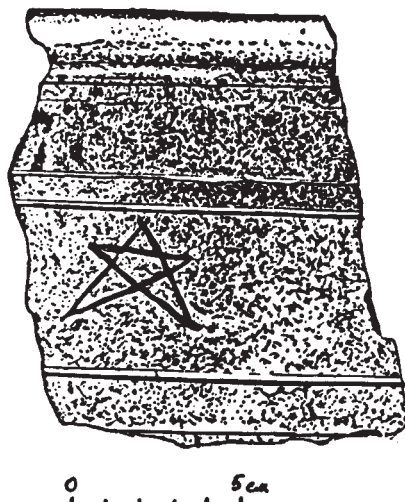

Рис. 2. Фрагмент сосуда из Константиновского-1 селища.

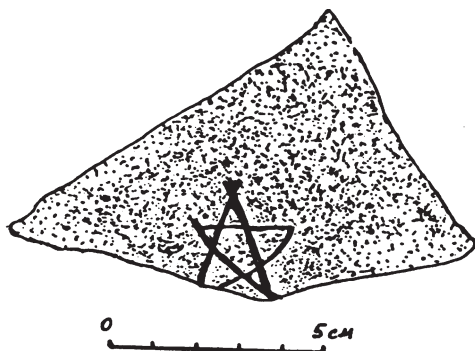

Рис. 3. Фрагмент сосуда из Константиновского-1 селища.

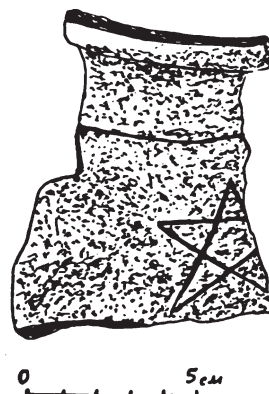

Рис. 4. Фрагмент сосуда из гончарной печи вблизи Аняньевского городища.

цию и Среднюю Азию, а из Средней Азии в страны Дальнего Востока проникает декор в виде сетки из четырехлепестковых розеток [Шавкунов Э.В., 1993, с.43]. Из Восточного Средиземноморья в Сасанидский Иран, а оттуда в Китай и другие страны Дальнего Востока проникают и получают там широкое распространение и другие виды орнамента, в том числе декор в виде круга из перлов [Лубо-Лесниченко Е.И., 1994, с.199—205], известного еще под названием «жемчужника».

Надо полагать, что таким же образом из Европы через Среднюю Азию на Дальний Восток попадает и изображение пентаграммы вместе с бытовавшими там представлениями об ее охранных свойствах. Это предположение в какой-то степени находит подкрепление на следующих фактах: с одной стороны, изображения пентаграммы встречаются на датированной VIII—IX вв. керамике

из Северо-Восточной Болгарии [Плетнева С.А., 1967, с.126, рис.32, 12], а с другой — еще сравнительно недавно на керамических подкладных дисках от гончарного круга среднеазиатских гончаров, по свидетельству которых этот знак передавался им по наследству из поколения в поколение (Пещерева Е.М., 1959, с.194—195, рис.53, 9; с.214, рис.56, 4). Не исключено поэтому, что в Средней Азии использование пентаграммы в качестве оберега стало применяться где-то во второй половине I тыс. н.э. На территории Приморского края изображение пентаграммы, судя по всему, получило распространение в это же время, а точнее, в период существования государства Бохай, т.е. в VIII—X вв., поскольку на керамике предшествующих Бохаю культурно-исторических эпох Приморья пентаграммы еще ни разу не встречались. В данном случае небезынтересно подчеркнуть, что такая датировка в целом совпадает с датировкой керамики, где изображены пентаграммы из Северо-Восточной Болгарии, откуда, как уже отмечалось выше, этот знак через Среднюю Азию за сравнительно короткий промежуток времени попадал и на Дальний Восток.

ЛИТЕРАТУРА

- Болдин В.И., 1988. Отчет о раскопках на Константиновском-I селище и Новогордеевском городище в Приморском крае в 1987 году // Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Ф.1. Оп.2. №335.
- Болдин В.И., 1993. Отчет о раскопках на Константиновском-I селище в Октябрьском районе Приморского края в 1992 году // Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Ф.1. Оп.2. №372.
- Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. 1898. Энциклопедический словарь. Т.45. СПб., 74с.
- Лубо-Лесниченко Е.И., Китай на Шелковом пути. (Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М.: Наука. 326 с., ил.
- Пещерева Е.М., 1959. Гончарное производство Средней Азии // Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. серия. Т.XLII. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 396 с.
- Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). М.: Наука. 198с.
- Сарианиди В.И., 1983. Афганистан: сокровища безымянных царей. М.: Наука. 159с.
- Хорев В.А., 1989. Отчет об археологических исследованиях на Ананьевском городище в Приморском крае в 1988 // Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Ф.1. Оп.2. №345.
- Шавкунов Э.В., 1972. О семантике тамгообразных знаков и некоторых видов орнамента на керамике с Шайгинского городища // Сов.этнография. №3. С.128—133.
- Шавкунов Э.В., 1990. Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука. 282 с.
- Шавкунов Э.В., 1993. Тайны древних зеркал. Владивосток: Дальпресс. 52 с.
- Шавкунов Э.В., 1996. О сакральной сущности декора концевых дисков средневековой черепицы Приморья // Древнее искусство тихоокеанских культур. Владивосток: Изд-во ДВГУ. С.121—130.
- Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 11-е стер. Изд. М., б.г. Т.31. 639с.

SUMMARY. Doctor of Historical Sciences, a world-known scholar E.V. Shavkunov in his article «Pentagrams on Bohai's Ceramics and Their Destination» tells about his last year new finds on Aurovskoye site near Anuchino village. There there were discovered fragments of a small ceramic cup made on the porter's wheel. On the Bohai sites this is the fourth find of the fragments of such ceramic vessels with pentagrams on their shoulders and sometimes on the sides under the mouth. The author also submits some drawings.